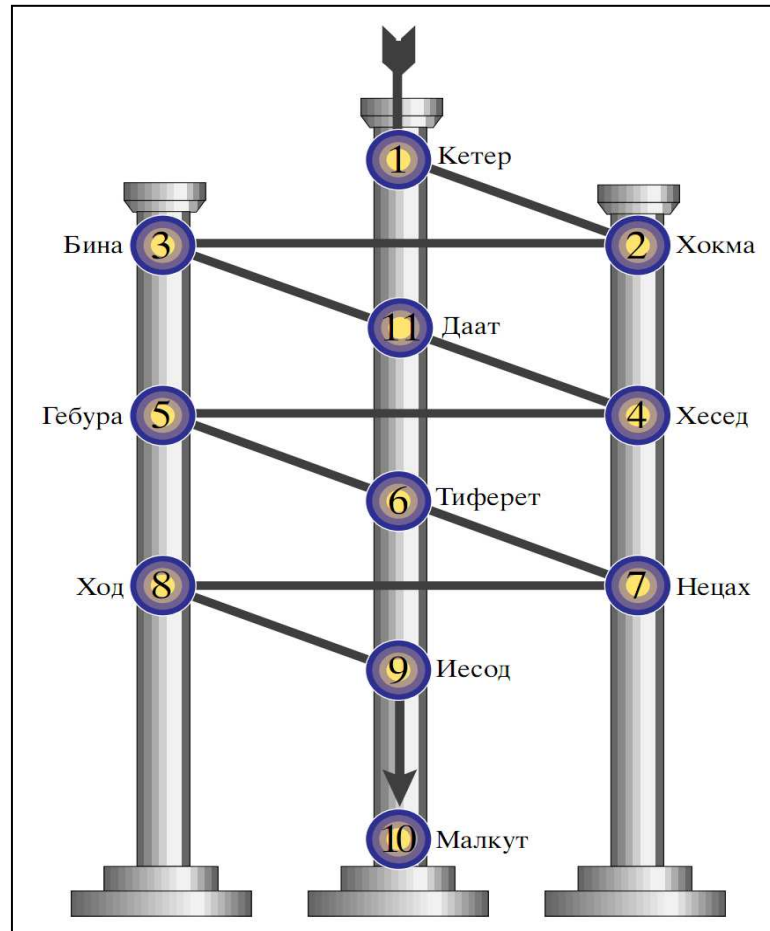

ГЛАВА 27 Конец квартиры № 50

Сефира 6. Наименование: *Тиферет, Красота.*

Топология: *В центре Колонны Равновесия.*

Планетарное соответствие: ☉ *Солнце.*

Зодиакальное соответствие: ♌ *Лев.*

План: *Бриа.*

Имя Божье: *Тетраграмматон Элоа Ва Даат.*

Гностический символяриум: *Видение гармонии вещей; Красота как Истина и Истина как Красота; Центр; Суть; «Гвоздь программы»; Пуп; Средоточие; Прекрасное; Сокрытое; Сокровище (оно же: сок крови-ще); Тайна; Свет; Благодать; Середина пути в путешествии; Иррадиация; Узел; Золото души.*

Двадцать седьмая глава соединяется встык с Двадцать четвёртой, *Тиферет* с *Иезодом*, что особенно чудесно и выразительно в структуре схемы Сефиротного древа — налицо восхождение “по прямой”. Есть и ещё один важный мистический

мотив: чтобы оказаться в *пятнадцатом* (так кончается предыдущая глава) надо покончить с *четырнадцатым*. — Отсюда и числовой намёк в названии главы.

Повторенная как эхо последняя строка Романной главы застаёт Маргариту в атмосфере исполнившихся желаний: мастер — с ней, роман — с мастером, они трое — в подвале старого арбатского переулка. Переваривание событий и результатов фантастической ночи принесло неожиданные, *неслыханные* по всему предыдущему опыту человечества результаты.

“Интересно отметить, что душа Маргариты находилась в полном порядке. Мысли её *не* были в разброде, её совершенно *не* потрясло то, что она провела ночь сверхъестественно. Её *не* волновали воспоминания о том, что она была на балу у сатаны, что каким-то чудом мастер был возвращён к ней, что из пепла возник роман, что опять всё оказалось на своём месте в подвале в переулке, откуда был изгнан ябедник Алоизий Могарыч. Словом, знакомство с Воландом *не принесло ей никакого психического ущерба*. Всё было так, как будто так и должно быть”.

С этим блаженным ощущением она и заснула.

“Но в это время...”

В это же самое время “одно московское учреждение” гудело по поводу невероятных московских происшествий. Целый этаж “был занят следствием по делу Воланда, и лампы всю ночь горели в *десяти* кабинетах”. Этот кабалистический унисон с *десятью* светильниками только что оживавшего Ершалаима даёт понять, что события, вызванные форс-мажорной шуткой потусторонних сил, завертелись не на шутку. Был поднят с одра в одном споднем Аркадий Аполлонович Семплеяров, и “испуганно” отрапортовавшись по телефону, “главный акустик” поехал давать показания по сути происшествия. Как выяснилось, *показать* пришлось всё, включая и самое интимное, что доставило Аполлонычу “невыразимые муки”. Весь в муке, с мятым фасом и профилем, Ар.Ап., выговорившись насчёт своих чёрных дел, смог хотя бы чётко назвать фамилию заезжего мага и тем самым “значительно продвинул следствие вперёд”. Наложение *снятого* у Семплеярова на *снятое* у “дамы в фиолетовом нижнем белье” удостоверило полную искренность обоих и особую зловредность означенного Воланда по причине его полной неподконтрольности режиму. Приняли экстренные меры.

“В квартире № 50 побывали, и не раз, и не только осматривали её чрезвычайно тщательно, но и выстукивали стены в ней, осматривали каминные дымоходы, искали тайников. Однако все эти мероприятия никакого результата не дали, и ни в один из приездов в квартиру в ней никого обнаружить не удалось, хотя и совершенно понятно было, что в квартире кто-то есть, несмотря на то, что все лица, которым так или иначе надлежало ведать вопросами о прибывающих в Москву иностранных артистах, решительно и категорически утверждали, что никакого чёрного мага Воланда в Москве нет и быть не может”.

Парадоксальная вроде бы, абсолютно сказочная для профанного сознания ситуация на самом деле является яркой демонстрацией эзотерического принципа, что *не всё материальное визуально, а визуальное — материально*, и что *реальное и явное — разные вещи*. Амбициозность и претензии безграничной власти рушатся о бетон простой эфемерности и энмерности, но речь даже о противостоянии. Дело

в том, что человек находится под двойной властью — земной и божественной. Он хотя и сотворён на Земле — создан богоподобно. И если инстанции приходят в столкновение, результат самоочевиден: сила силу ломит. В сущности, вмешательство Высших Сил в посястороннее минимально и осуществляется *аккуратно*. Пример такой *аккуратности* и демонстрирует Булгаков в этой главе Романа.

Во-первых, никто, кроме непосредственных участников происшествия, ровно ничего не знал ни о каком гастролёре-маге. Т. е. просто слыхом не слыхивал. Все звонки по телефону и ссылки на третьих лиц оказались фиктивными, хотя и эффективными; как сквозь землю провалились и все “документы”: паспорта, справки, афиши и рекомендации. Сама сориентированность *человека посястороннего* на предметность оказалась своего рода *дефективностью* перед лицом столь умопомрачительного *де-факто*. Так, зам Семплеярова, Китайцев, просто-таки знать не знал и ведать не ведал ни о каком сеансе в Варьете. “Когда же говорили, что Аркадий Аполлонович своими глазами видел этого мага на сеансе, Китайцев только разводил руками и поднимал глаза к небу. И уж по глазам Китайцева можно было видеть и смело сказать, что он чист, как хрусталь”.

Да уж, *аккуратней* просто некуда.

При малейшем милицейском шмоне “Проша” вернулся в костюм, ничего, впрочем, не добавив ему в компетентности; а папу Римского нашли-таки в четырёхста *двенадцатом* номере гостиницы «Астория» в Ленинграде в платяном шкафу в величайшем страхе и смятении. Постепенно разыскали и других потерпевших.

“*Двенадцать* человек осуществляли следствие, собирая, как на спицу, окающие петли этого сложного дела, разбросавшиеся по всей Москве”.

Апостолическое число взято в этом случае Булгаковым неспроста. Переполох в Иерусалиме вокруг Иисуса из Назарета (согласно Канону) пришлось расхлёбывать его двенадцати не очень понятливым на трансцендентное ученикам. Нечто подобное происходит и в Москве. Постоянно “упираясь рогами” в стену, за которую с лёгкостью утекает потустороннее, сыскари роют копытами землю, стараясь пробуровать преграду из одного упорства и исполнительности. Да исполнительность исполнительности рознь. Нужно «Исполнишь волею Моей!» — а им это-то и недоступно.

Допрашивают и Иванушку, найденного у Стравинского. Однако войти к нему в палату без пера жар-птицы оказалось бесполезно. Потерпев полное крушение, он сидел среди обломков прежних идеалов, как Обломов среди постных салатов Штольца. Допрос отпетого поэта кончился ничем. А на пожелание успехов в творчестве: “Нет, — тихо ответил Иван, — я больше стихов писать не буду.

Следователь вежливо усмехнулся, позволил себе выразить уверенность в том, что поэт сейчас в состоянии некоторой депрессии, но что скоро это пройдёт.

— Нет, — отозвался Иван, глядя не на следователя, а вдаль, на гаснущий небосклон, — это у меня никогда не пройдёт. Стихи, которые я писал, — плохие стихи, и я теперь это понял”.

Складывающаяся картина была неутешительна. Начавшись с инцидента у Патриарших, ничем не объяснимого, как только гипнозом, цепь странных происшествий стянулась к квартире № 50 и там застряла, не поддаваясь истолкованию.

“В трижды проклятой квартире № 50, несомненно, надо повторить, кто-то был. По-временам эта квартира отвечала то трескучим, то гнусавым голосом на телефонные звонки, иногда в квартире открывали окно, более того, из неё слышались звуки патефона. А между тем всякий раз, как в неё направлялись, решительно никого в ней не оказывалось. А были там уже не раз, и в разное время суток. И мало этого, по квартире проходили *с сетью, проверяя все углы*. Квартира была давно уже под подозрением. <...> Да, квартира № 50 пошаливала, а поделаться с этим ничего нельзя было”.

Двенадцать ловцов из Канона *с сетью* — это вполне в духе средневековой карнавальная гротесковости. Но что они хотели найти *по углам*? *Мага* 1-го аркана, *Сатанаила* 15-го или *Фемиду-Справедливость* 8-го? “Шестёрки” против *Возлюбленного*, он же *Тифферет* Кабалистического древа, — это, воистину, состязание с истязанием по ходу дела.

Сеть принесла нулевой улов из углов, однако объявился прилетевший из Крыма Стёпа Лиходеев. Он был немедленно привлечён к следствию по известному делу. Ясности его показания не внесли; опорожнившегoся директора Варьете пришлось по собственной его просьбе заключить в надёжную камеру. Особой радости это заключение следственной комиссии не доставило, зато обналичился бывший дотолем в нетях Варенуха и стал балансировать “над пропастью во лжи”, несмотря на клятву, данную Азazelло.

“Лишь после того, как администратору сказали, что он своим поведением, глупым и безрассудным, мешает следствию по важному делу и за это, конечно, будет отвечать, Варенуха разрыдался и зашептал дрожащим голосом и озираясь, что он врёт исключительно из страха, опасаясь мести воландовской шайки, в руках которой он уже побывал, и что он просит, молит, жаждет быть запертым в бронированную камеру”.

Такое массовое пристрастие к камерности и маниакальное желание “лезть в Бутырку” поразило следователей. Последним такую просьбу высказал “трясущийся от страха, психически расстроенный седой человек, в каком очень трудно было узнать прежнего финдиректора” Римского, препровождённого в “сильно охраняемом” вагоне из Ленинграда. Однако колотья он наотрез отказался, и от него отступились.

Потом для дачи показаний была выужена Аннушка, тут уже следователи пожалели, что привлекли столь непривлекательное существо к серьёзному разговору. Аннушка “понесла околесину о том, что она не отвечает за домоуправление, которое завело в пятом этаже нечистую силу, от которой житься нету”.

Затем был выпрошен жилец из нижнего этажа, коего уже стала разыскивать через милицию ревнивая супруга. “Николай Иванович не очень удивил следствие, выложив на стол шутовское удостоверение о том, что он провёл время на балу у сатаны”. Следователи попытались выяснить *причины*, по каким Н.И. того удостоился, но “ловля на жильца” стала сбойть, а резюме было и просто убогим: “Повинуясь насилию, вынужден был подчиниться, — рассказывал Николай Иванович”. Затем бросился “под уклон”, и говорить с ним стало просто тоскливо. И всё же постепенно были извлечены на свет божий все обитатели “готического особняка”,

только Маргарита Николаевна и Наташа с того времени “исчезли без всякого следа”. Панорама по элементам стала достаточно полной, но картину происшедшего это не прояснило.

Если действовала шайка гипнотизёров и чревовещателей, то куда делись Наташа и барон Майгель, сгинувшие в одночасье за пределами таинственной квартиры? Снова и снова обследовали убежище на Садовой, но безрезультатно. И всё же наряд сексотов оповестил в субботу днём, что квартира “опять подала признаки жизни. Было сказано, что в ней открывали окна изнутри, что доносились из неё звуки пианино и пения и что в окне видели сидящего на подоконнике и греющегося на *солнце* чёрного кота”. Т. е. мелкая “небесная шестёрка” Бегемот грелся в лучах самого *Тиферета* — Иешуа Га-Ноцри. Что в сумме со звуками должно было означать: “*К хохме готовы; можно начинать*”.

И начали. Около четырёх часов в квартиру была снаряжена большая группа захвата, она, действуя по всем правилам проведения подобных операций, стала с двух сторон приближаться к нужным дверям.

“В это время Коровьев и Аззелло <...> сидели в столовой квартиры, доканчивая завтрак. Воланд, по своему обыкновению, находился в спальне, а где был кот — неизвестно. Но судя по грохоту кастрюль, доносившемуся из кухни, можно было допустить, что Бегемот находился именно там, валяя *дурака*, по своему обыкновению.

— А что это за шаги такие на лестнице? — спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с чёрным кофе.

— А это нас арестовывать идут, — ответил Аззелло и выпил стопочку коньяку.

— А-а, ну-ну, — ответил на это Коровьев”.

Здесь всё — весёлый карнавальный фарс в расписном сарафане на вырост. Правда, за лёгким комедийным глоссе накапливается исподволь мощный эзотерический символизм, соответствующий финалу мистериального Романа-Откровения. Вслед за 19-ым арканом *Солнце* появляется 21-ый аркан *Дурак*; гностическая игра между профанной “шестернёй” и эзотерической *гексаграммой* вступает в активную фазу.

“Подымающиеся по парадной лестнице тем временем уже были на площадке третьего этажа. Там двое каких-то водопроводчиков возились с гармоникой парового отопления. Шедшие обменялись с водопроводчиками выразительным взглядом.

— Все дома, — шепнул один из водопроводчиков, постукивая молотком по трубе.

Тогда шедший впереди откровенно вынул из-под пальто чёрный маузер, а другой, рядом с ним, — отмычки. Вообще, шедшие в квартиру № 50 были снаряжены как следует. У двух из них в карманах были тонкие, легко разворачивающиеся *сети*. Ещё у одного — *аркан*, ещё у одного — марлевые *маски* и ампулы с хлороформом”.

Так сказать, *ампула contra ампула. Маски против замаскированных. Отмычки для мыкающихся в ожидании.*

Но главное и убийственное — **аркан**. Это уже *аркан* супротив таротных *арканов*. Удавка против “петель этого сложного дела”.

А-а, ну-ну. Дураки прибыли. Пора их повалить, недаром Кот тренировался на кухне с кастрюлями.

Блестящая, ослепительная эскапада начинается.

“...в гостиной на каминной полке, рядом с *хрустальным* кувшином, сидел громадный чёрный кот. Он держал в лапах *примус*.

В полном молчании вошедшие в гостиную созерцали этого кота в течение довольно долгого времени.

— М-да... действительно здорово... — шепнул один из пришедших.

— Не шалю, никого не трогаю, починяю примус, — недружелюбно насупившись, проговорил кот, — и ещё считаю долгом предупредить, что кот древнее и неприкосновенное животное. <...>

Развернулась и взвилась шёлковая *сеть*, но бросавший её, к полному удивлению всех, промахнулся и захватил её только кувшин, который со звоном тут же и разбился.

— Ремиз! — заорал кот. — Ура! — и тут он, оставив в сторону примус, выхватил из-за спины браунинг. Он мигом навёл его на ближнего к нему стоящего. Но у того раньше, чем кот успел выстрелить, в руке пыхнуло огнём, и вместе с выстрелом из маузера кот шлёпнулся вниз головой с каминной полки на пол, уронив браунинг и бросив примус.

— Всё кончено, — слабым голосом сказал кот и томно раскинулся в *кроватной* луже, — отойдите от меня на секунду, дайте попрощаться с землёй. <...>

— *Сеть, сеть, сеть*, — беспокойно зашептали вокруг кота. Но *сеть*, чёрт знает почему, зацепилась у кого-то в кармане и не полезла наружу”.

Стадо неловких ловцов, в которых восхищение увиденным боролось с исполнительностью, оказалось по-дурацки втянутым в игру в «кошки-мышки», причём на иную роль, кроме мышшиной мишени, у них не было никакого шанса. Псевдоапостолы смешались, став смешными и жалкими в одночасье. Взять надмирное на “исгэпэуг” оказалось невозможно.

Феерия фонтанирует.

“Единственно, что может спасти смертельно раненного кота, — проговорил кот, — это глоток бензина... — И, воспользовавшись замешательством, он приложился к круглому отверстию в примусе и напился бензину. Тотчас кровь из-под верхней лапы перестала струиться. Кот вскочил живой и бодрый, ухватив примус под *мышку*, сиганул с ним обратно на камин, а оттуда, раздирая обои, полез по стене и через секунды две оказался высоко над вошедшими, сидящим на металлическом карнизе.

Вмиг руки вцепились в гардину и сорвали её вместе с карнизом, отчего *солнце* хлынуло в затенённую комнату. Но ни жульнически выздоровевший кот, ни *примус* не упали вниз. Кот, не расставаясь с примусом, ухитрился махнуть по воздуху и вскочить на *люстру*, висящую в центре комнаты”.

Символическая насыщенность эпизода замечательна. Здесь и египетские аллюзии в реплике Бегемота насчёт священной неприкосновенности котов; и намёк на то, что он метафизический «принц крови» в бесконечной возне с *примусом*; и *кровища* стрельбы; впрочем, отец-патрон *Люцифер* тоже не забыт, для чего при-

годились браунинг с *патронами* и *люстра*; буквально прописана и игра в «*кошки-мышки*»; а через заливчатский «Ремиз!» образность сцены перетекает в стихию карт с популярной игрой в «подкидного дурака»¹, что Кот и демонстрирует наглядно. Наконец, и «мистическая» затенённость комнаты оказалась карнавалом и фикцией: хлынувшее сквозь сорванную гардину в помещение *солнце Тиферета* радостно включилось в весёлую игру небесного паяца.

«Вызываю на дуэль! — проорал кот, пролетая над головами на качающейся *люстре*, и тут опять в лапах у него оказался браунинг, а *примус* он пристроил между ветвями *люстры*. Кот прицелился и, летая как маятник, над головами пришедших, открыл по ним стрельбу. Грохот потряс квартиру. На пол посыпались хрустальные осколки из *люстры*, треснуло звёздами зеркало на камине, полетела штукатурная пыль, запрыгали по полу отработанные гильзы, полопались стёкла в окнах, из простреленного примуса начало брызгать бензином. Теперь уж не могло идти речи о том, чтобы взять кота живым, и пришедшие метко и бешено стреляли ему в ответ из маузеров в голову, в живот, в грудь и в спину».

Занятно, что на «Ваше слово, товарищ маузер» шестерёнки-Маяковского Кот отвечает из изящного английского романтика Браунинга, причём в коллективистском множественном числе слова «маузеров» начинает высвечиваться «зеро» общего результата стрельбы.

«Но длилась эта стрельба очень недолго и сама собою стала затихать. Дело в том, что ни коту, ни пришедшим она не причинила никакого вреда. Никто не оказался не только убит, но даже ранен; все, в том числе и кот, остались совершенно невредимыми. <...> Кот покачивался на *люстре*, размахи которой всё уменьшались, дую зачем-то в дуло браунинга и плюя себе на лапу. У стоящих внизу в молчании на лицах появилось выражение полного недоумения. Это был единственный, или один из единственных, случай, когда стрельба оказывалась совершенно недействительной. Можно было, конечно, допустить, что браунинг кота — какой-нибудь игрушечный, но о маузерах пришедших этого уж никак нельзя было сказать. <...>

Сделали ещё одну попытку добыть кота. Был брошен *аркан*, он зацепился за одну из свечей, *люстра* сорвалась. Удар её потряс, казалось, весь корпус дома, но толку от этого не получилось».

Кот добросовестно отрабатывал своё шутовское ампула (кстати, ампула с хлороформом так и не пригодилась): по-плотнички плевал на лапу, дул туда, куда и следовало дуть согласно названию предмета, летал, как белка-летяга, и в конце концов, полностью нейтрализовал взаимный урон, дабы не уронить достоинства участников фарса. Действительно, как прекрасна была бы война, если бы не было трупов! Но на то и Тиферет, чтобы мечты сбывались. И приписываемое Шекспиру «Весь мир — театр, и все мы в нём — актёры» Кот явил во всём *великолепии* его сефиротного содержания. *Красное* (кровь) и *прекрасное* рубедности Колонны равновесия предстали перед нами в тональности апофеоза.

¹ Испанская народная игра — подбрасывание на покрывале тряпичного паяца — возводит нас вновь к творчеству Гойи, который изобразил её на одной из самых известных картин.

“Я совершенно не понимаю, — говорил [кот] сверху, — причин такого резкого обращения со мной...”

Он “смутился” не столько стрельбой, сколько ловлей его петлёй Нулевого аркана.

“И эту речь в самом начале перебил неизвестно откуда послышавшийся тяжёлый низкий голос:

— Что происходит в квартире? Мне мешают заниматься.

Другой, неприятный и гнусавый, голос отозвался:

— Ну, конечно, Бегемот, *чёрт его возьми!*

Третий, дребезжащий, голос сказал:

— Мессир! Суббота. *Солнце* склоняется. Нам **пора**.

— Извините, не могу больше беседовать, — сказал кот с зеркала, — нам **пора**. — Он швырнул браунинг и выбил оба стекла в окне. Затем он плеснул вниз бензином, и этот бензин сам собою вспыхнул, выбросив волну пламени до самого потолка. <...>

Человек, сидящий на железной противопожарной лестнице на уровне ювелиршиных окон, обстрелял кота, когда тот перелетал с подоконника на подоконник, направляясь к угловой водосточной трубе дома, построенного, как сказано было, *покоем*. По этой трубе кот взобрался на крышу. Там его, к сожалению, также безрезультатно обстреляла охрана, стерегущая домовые трубы, и *кот смылся в заходящем солнце, залившим город*”.

Булгаков демонстрирует в этом фрагменте не просто невидимость членов Воландовской свиты, но и пребывание их в параллельном пространстве без малейших забот по поводу сокрытия себя и без опасения претерпеть от пожара. Они даже не *выше*, а просто *вне* всего этого, и только голос “своего” кое-как проникает в горнюю горницу. На него-то добродушно и реагирует Мессир. Некоторая общая бранчивость — просто “зрительские аплодисменты” джокерским стараниям Кота, а грубоватая сюрреалистическая реплика Азazelло звучит просто как «бис!».

И тут же на этот *бис* откликается весь дом.

“Гостиная уже была полна огнём и дымом. Кто-то на ходу успел набрать телефонный номер пожарной части, коротко крикнуть в трубку:

— Садовая, триста два-бис! <...>

В то время, как на Садовой послышались пугающие сердце колокольные удары на быстро несущихся со всех частей города *красных* длинных машинах, мечущиеся во дворе люди видели, как вместе с дымом из окна пятого этажа вылетели три тёмных, как показалось, мужских силуэта и один силуэт обнажённой женщины”.

Дважды прозвучал набатом священный пароль “Пора!” — субботнее утро развязывает всю компанию от пришвартованности к данному месту и времени, и они покидают свой недолгий приют. Рубедо пламени и пожарных машин смывает потустороннее кряхтение последнего хозяина “нехорошей квартиры”: “Голова моя Садовая!..” Непосчитанный в составе отлетающих Кот, судя по всему, восходит ввысь с клубами дыма и копоти. Но Гелла, замыкающая кортеж, в этом случае — лёгкая, воздушная дочь Гелиоса-*Солнца*. Ибо именно его позывными должна была закончиться эта глава.